

указав на то, что христианство в Чехии укрепилось достаточно прочно, поэтому церковь уже не согласна терпеть отступлений от своих канонов. Положение действительно изменилось: к 1080 г. пражское епископство существовало уже свыше ста лет, и у христианства, таким образом, было достаточно времени для победы над язычеством. К тому же разногласия между Римом и Византией с момента разделения церковью обострялись, достигнув высшей точки в эпоху первого крестового похода. Даже если бы Н. К. Никольский и А. В. Флоровский были правы в том, что направленный против Войтеха памфлет возник в конце XI в., все же это не имеет никакого значения для конца X в. Как я пытался доказать, абсолютно убедительными и уместными остаются аргументы Г. А. Ильинского и Н. К. Никольского, которые считают, что «Сказание о грамоте Русьстей» появилось лишь после окончательной редакции ПВА (произведенной Нестором или Сильвестром), включавшей также «Сказание о преложении книг».

Если и допустить некую, скорее историософскую («с высоты птичьего полета»), чем историческую, обоснованность концепции «Сказания о грамоте Русьстей», все-таки необходимо считаться с тем, что этот миф отделен от исторической эпохи Войтеха большим промежутком времени. Возвращаясь теперь к Кристиану, видим, что «Сказание о грамоте Русьстей» вовсе не является «камнем преткновения» в суждениях о его труде. Более того, нас вообще не должно смущать посвящение Кристианом своего труда епископу Войтеху. В плане историософском можно строить любые субъективные конструкции, в плане же историческом соотношение Кристиана и «Сказания о грамоте Русьстей» совершенно очевидно: Кристиан говорит как современник Войтеха, прямой свидетель его замыслов и симпатий, а «Сказание о грамоте» — поздний миф о Войтехе. Никогда не выдвигался ни один реальный аргумент против отнесения труда Кристиана к концу X в., подозрения основывались на доводах исключительно психологического характера. Дело сводилось к путанице в вопросе о личности автора, которого обычно отождествляли с наводящим ужас Страхквасом Козьмы, и к путанице в вопросе о деятельности епископа, которому посвящен памятник. Источником путаницы второго рода было главным образом «Сказание о грамоте Русьстей». Страхквас — такая же выдумка Козьмы, как цитированная грамота папы Иоанна. Что касается «Сказания о грамоте», то это еще более поздняя конструкция. Теперь уже ничто не мешает нам доверять непосредственному свидетельству Кристиана о времени Войтеха.

Нас интересуют две первые главы Кристиана, посвященные Кириллу и Мефодию. Здесь уместно напомнить, что после разделения церковью и установления резких границ между западной и восточной церковной организациями произошло и некое разграничение в трактовке первоначальной истории христианства у славян. Кирилл и Мефодий остались в общем универсальными святыми, они почитались и на Западе, и на Востоке, однако в их жития вносились определенные идеологические изменения. Так, например, в краткой легенде «*Beatus Cyrillus*»²⁸ были последовательно устранены все указания на отношение солунских братьев к Византии. Козьма также говорит только о моравском епископе Мефодии, без малейшего упоминания о его происхождении и славянском богослужении. Официально Кирилл и Мефодий были провозглашены моравскими патронами только в середине XIV в., явно в связи с возрождением славянских тра-

²⁸ V. Chaloupeký. Prameny X století Kristiánovy legendy o sv. Václavu a sv. Ludmile. — Svatováclavský sborník, II, 2. Praha, 1939, стр. 503—505.